

63.5

П96

СА-412349

В.И. ПЬЯНОВ

В.В. ПЬЯНОВ

ТРАДИЦИИ. СУЕВЕРИЯ ЦЕННОСТИ

ЦЕННОСТИ

В.И. Пьянов
В.В. Пьянов

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)81
П 96

СА-412349

Традиции. Суеверия. Ценности

Книга 3

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

«Академический проект»
Москва, 2024

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Ценность традиций	12
Нравственность и мораль	15
Мифология ценности	18
Истоки и смысл ценностей	34
Ценность и цена	47
Смысл ценностных понятий и подмена ценностей	58
Роль науки в создании мифов	65
Привычки и мир ценностей личности	72
Глава 2. Общепародные ценности	81
Идеология и национальная идея	81
Демократия и элита	92
Демократия как власть народа или его народоправие?	100
Ценность истории и ее мифов	112
Ценность и произвол закона	118
Ценность — Родина	125
Патриотизм	134
Символы и их ценность	137
Правда и кривда как ценности славянской культуры	141
Глава 3. Ценности-Сущности	144
Мудрость. Истина. Ум	144
Образование	150
Гуманитарные науки	155
Народ или род?	160
Общественные ценности	166
Земледелие как ценность. Добро и зло	171
Процессы оценки	175
Глава 4. Духовно-нравственные ценности	186
Единобожие у славян	186
Ценность религии. Вера	200
Доверие или вера?	212
Борьба с народными традициями	222
Ценность и смысл религиозности	228
Духовно-нравственные ценности	234
Глава 5. Ценности личности	244
Свобода, счастье, судьба	245
События	252
Целеполагание как ценность	257

Личные ценности	258
Честь и совесть.	264
Глава 6. Язык и культура	268
Истоки языка	268
Слоговой язык славян	278
Традиции и ценность языка	285
Язык в истории народа	290
«Кремль» и «криминал» — славянские понятия	317
Гора — город, измененные понятия-ценности	324
История и язык	336
Роль смыслов в понятиях языка	342
Традиции славянской письменности	346
Традиции мореходства и письменность	354
Ценность мистики и магия познания	361
Цивилизация, ее традиции, суеверия и ценности	365
Заключение	378
Литература	382

Введение

Какую роль в жизни человека, как и общества в целом, играют ценности и как их следует принимать? Относить ли их только к ценностям личности человека или видеть в них ценности культуры народа, а может, их следует представлять некими общечеловеческими или по меньшей мере общеевропейскими, или представлять их на уровне культуры того или иного этнического образования, или видеть здесь ценности цивилизации? Но, может быть, их следует понимать ценностями всего мирового сообщества и только при этом условии их рассматривать? Как видим, отмеченные различия предполагают некую самостоятельную идею их смысла и даже могут иметь право на существование каждое в своей сфере. Но в таком случае как их различать, если, например, ценности личности не совпадают с ценностями народа или некого конгломерата народов, создающего идею своих глобальных, общеевропейских или даже мировых ценностей? При этом иногда не обращают внимания на потребности каждого человека и тем самым, возможно, игнорируя его личные ценности, как и ценности культуры отдельных народов. И в последнем случае какую роль играют ценности того народа, который прекратил свое самостоятельное существование и полностью слился с иным, более значимым народом в истории, тем не менее оставив другим свои общезначимые понятия, характеризующиеся как ценности? Неужели уход в небытие народа означает и прекращение существования его идей, его достижений и специфики места, занимаемого в международном сообществе? Следует ли видеть подмену ценностей тех народов, которые прерывают самостоятельное существование как субъекта международного взаимодействия, препятствуя тем самым сохранению своей системы ценностей как смысла своего прежнего существования, или здесь в оценках следует видеть нечто иное? Более того, говоря о ценности, не следует упускать процесс оценки, ведь в каждой иной системе она или превращается в пустышку, или настолько поглощает иные, что ее роль как демиурга трудно не представить, как и измененное развитие иных народов.

Следует иметь в виду не только существование некоторой системы, как и отдельных ценностей, но и процесс их возникновения, на который влияют мнения и установки некой группы общества, имеющей возможность влияния на процессы в обществе, как и создаваемые наукой и законодательством представления. То есть здесь мы

недовольства политикой элиты, успевшей принять на себя груз власти, а значит, все разрастающихся привилегий, будто бы они и есть цель развития народа. Теперь, зайдя в тупик перед надвигающимся валом мракобесия и суемудрия, при этом растеряв опору в науке, конечно же, и в народе, невероятным образом названная элита пробует, а может, уже и не пытается хотя бы понять направление и последствия своей деятельности. Результат которой семимильными шагами ведет к разрушению общества, культуры и растаскиванию национального богатства, а значит, и к коллапсу государства. Правда, и здесь надежда на церковь, которая, преобразившись, звание богоизбранного народа забирает незаметно у евреев и примеряет на себя. «Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа святого, устремленность к безгрешности и совершенству сделали русских новым Богом избранным народом»¹. Вот так, и не меньше, но ведь в России, как утверждают церковные деятели, нет национализма.

Смысл ценностных понятий и подмена ценностей

Прежде всего следует понять, какова должна быть система ценностей, на которую должен ориентироваться народ в своей повседневной деятельности, как и человек, который считает себя принадлежащим к его сообществу. Каким образом считать ценности общества, к которому принадлежит данная личность, традиционными? Как и вопрос, следует ли относить к общенародной принадлежности ценности различных классов общества? Ведь, как следует из исторического развития, все они могут иметь значительные отличия, в особенности того слоя общества, которое именуют элитой и которое имеет свои, отличительные цели, а значит, и ценности, не всегда приемлемые народом. Но в таком случае следует ли считать неприкосновенность некоторой части общества также ценностью в случае явных преступлений против народа, как и в тех случаях, когда такие факты отсутствуют? И принимать как само собой разумеющееся, будто бы эта элита, созданная неким образом в историческом развитии, получает права, совершенно противоречащие моральным принципам, законам, а значит, и ценностям всего общества.

Так, например, утверждение в сочинениях историков права завоевателя — каким образом его можно считать естественной ценностью народа, и почему на этом основании они продолжают зани-

¹ Платонов О. А. Терновый венец России. С. 56.

маться творчеством и иных, довольно странных ценностных утверждений? «В отличие от Новгорода власть Олега в Киеве была основана не на договоре, а на праве завоевателя»¹. Конечно, в те времена права еще не были кодифицированы и вообще не могли иметь такой смысл, утверждающий завоевание как непреложный закон для всех подпавших под иго завоевателя народов. Или здесь уже задним числом установлено моральное право элиты властвовать и наслаждаться своей недосыгаемостью и неподсудностью для народа? Правда, никакого завоевания, даже в мифах монаха, написавшего «Повесть временных лет», не было, просто произошел обыкновенный обман пока не народа, а Аскольда и Дира, которые попросту поверили новой, поднимающей голову гидре всевластия. Но, может, и они суть вымысел для подтверждения реальности самого Олега? Да и каким образом происшедшее можно считать завоеванием, если не только народ, но и его войско при этом процессе не присутствовало? Может, действительно Олег таким образом освободил себе хлебное место князя и стал на нем таким же наемником веча, но никак не владетельным князем? А историков, утверждавших иной ход событий, скорее следует считать обыкновенными шарлатанами подобно тем, кто «одевал» голого короля, правда, также в сказке. Но и далее, поскользнувшись на одной невероятной придумке монаха, авторы, повторившие это утверждение, продолжают свои «истинные» описания: «Поэтому в Киевской волости собиралось “полюдье” при объезде подвластных земель князем и его дружиной»². Следует обратить внимание, что, используя «метод» Олега, который обманом захватил власть, если, конечно, признать этот вымысел за истину, что запрещает историкам продолжать утверждать свои мифы в таком же направлении? Приняв «полюдье» за сбор налогов, историки почему-то уклоняются от того пояснения, что торговля рабами на Руси и в более поздние времена представляла для князей довольно доходную ценность, которую они превратили в право ходить «по людей» (полюдье), набирая в этом процессе товар в виде рабов. Учítывая, что в «полюдье» ходили к славянам-соседям, то о каком единстве страны следует утверждать, ну если только в мифе? Мы не будем здесь утверждать это право — правом сильного, но непонятно, каким образом историки, формируя ценности для народа, так невероятно его же и унижают, тем самым принимая ценности разбойников-пиратов, возможно реальных, за истину истории Руси. Как видим, мы, с одной стороны, вынужденно

¹ История белорусской государственности: В 5 т. Т. 1. Минск: Беларуская навука, 2020. Т. 1. С. 139.

² Там же.

что же представляет ценность, где ее исток и что следует понимать под ее ролью в обществе. И на этой основе она создает совершеннейшую эклектику, имеющую начала только в личном суемудрии теоретиков науки, при этом устранив идеологию, точнее, подменив ее Священным Писанием, никому не известным, кроме учителей религиозной мудрости, использующих не только амвон, но и время вещания на государственных телеканалах будто бы отделенной от государства церкви. Неужели всем следует идти также этой странной дорогой, давно уж свернувшей с пути познания объективного мира, отдавшей одной-единственной мысли — постижению Бога? Что в результате? Более разработанная теоретически концепция, предлагающая выбор каждому человеку принять понятие ценности, созданное своей идеологической простотой, где не следует размышлять, убеждает каждого человека, прикоснувшегося к ее утверждениям, соглашаться и применять ее в жизненной практике лишь на основе веры. При этом используя «мудрое» решение государства наказывать всякого, кто сомневается в истинной правде любого вымысла. Но ведь там, где нет понимания, где нет доверия науке, там нет и передового народа, идущего своей дорогой развития.

Привычки и мир ценностей личности

Следует отметить еще одно воззрение, касающееся одновременно понятия ценности и понятия традиции, — это привычки. Привычки — это представления, характеризующие самого человека. И здесь различие в их происхождении предполагает и различие их ценности для каждой отдельной личности. Так, мы можем говорить о привычках, имеющих начало в среде, которая представляет данность для каждого человека, так называемых «ценностях рода». Мы здесь не говорим непосредственно о роде человека в его принятом в науке значении, но лишь об окружающем его обществе, которое может иметь различную структуру, в том числе и родовую, характерную не только как изначально вымышленная княжеская, но и как реальная у малых народов. Вторая составляющая привычек — это привычки профессии, которые имеют связь с деятельностью человека, но могут иметь и случайный характер и являются все вместе привычками, приобретенными в процессе жизни. Существует ли какая-либо иерархия ценностей привычек для самого человека — скорее нет, чем да. Ведь здесь все индивидуально, и каждый человек, склоняясь к приоритету тех или иных привычек в своей деятельности, придерживается скорее сиюминутных случайных обстоятельств, в которых приоритет выбо-

ра может быть основан на глубинных ценностях, способствующих консервативному поведению, так и моментальных, имеющих основание во влечениях. Привычки же существуют где-то между этими двумя направлениями выбора. Здесь мы не предполагаем дальнейшее рассмотрение данного феномена, который касается уже психологии поведения, пограничной гипотезам выбора человека. Тем не менее каждый человек в выборе своих действий руководствуется привычками и традициями, а значит, ценностями как своего мышления, так и своей среды существования.

От необходимости не скроешься, как утверждали древние греки. И ведь на то она и необходимость, что не должна позволять никому безраздельно ее использовать для своих целей, т. е. быть в таком случае всеобщим законом. Но, как ни странно, некоторые из членов общества всегда готовы манипулировать тем, что имеет вид общественных отношений. Но не потому, что общество представлено людьми и они сами создают условия необходимости, при этом пользуясь ее как ценностью, не имеющую никакого объективного обоснования. Дело в том, что каждая ценность возникает только в оценке и только субъекта и не имеет иных объективных направляющих, будто бы мистическим образом предопределяющих саму оценку.

Считать ли мораль объективной или она и здесь является действием самого субъекта — это проблема, решение которой может изменить многие общественные понятия, определение которых опять же зависит от воли субъекта. Поэтому и неудивительно, что моральные нормы не только субъективны, но и их установление приписывают некому Провидению, на которое всегда с необходимостью возлагают ответственность за любые ошибки, утверждая его приоритет в направлении воли человека на то или иное решение. Поэтому если человек, взявший на себя роль морального оценщика, ошибается, пренебрегая оценкой иных и утверждая свою, его, как ни странно, невозможно ни в чем обвинить, ведь эту роль он получает по закону от того, на которого всегда можно возложить ответственность. Следует ли не понимать, что такой субъект всегда в своих оценках будет придерживаться собственного мнения, а уж затем, по остатку, рассматривать и мнения других, если ему это вдруг станет интересно.

Ценность может становиться только тогда объективной, когда она становится законом, но в этом случае она уже не моральная ценность, а норма не всегда в таком случае понятного закона. То, что мы принимаем за ценности в настоящей жизни, имеет свою историю возникновения и даже путь превращения в иную ценность. Все эти изменения не являют нам завершенную систему и даже довольно ча-

эта величайшая ценность для государства становится сомнительной ценностью для элиты и даже может представляться неким препятствием ее интересов.

Патриотизм

Трудно найти более странного понятия, претендующего на всеобщность в отношениях в государстве, ценность которого «неоспорима» для необходимости ее присутствия в характеристике народа-патриота. И здесь эта ценность, характеризуя поведение народа, почему-то упускает, что и элита не только должна определяться таким же понятием, но и принимать на себя значительную часть ответственности в защите и развитии государства и быть в первых рядах патриотов. Но здесь, как ни удивительно, это странное создание принимает на себя ту роль, которая позволяет ей избежать обвинения в отсутствии патриотизма, которым характеризуется воля народа. При этом отсутствие этого термина в языке народа, принятом извне от «немцев», говорит, что «впервые у Петра I, позднее заимствование через нем. Patriot или непосредственно из фр. patriote сын отечества»¹, указывает на некую неполноценность в прояснении его смысла. Тем не менее для идеологии это довольно известный и необходимый термин в деле воспитания народа в требуемом элите направлении. И здесь патриотизм — это преданность делу, которому посвящает себя правительство, по меньшей мере именно оно обязано прежде всех быть патриотом, учитывая, что утверждающиеся направления деятельности народа как раз и начинаются с его решений. Хотя такое определение больше применимо для народа даже в тех случаях, когда элита своими действиями ведет к разрушению общества, тем не менее народ и здесь обязан быть патриотом. Ведь роль руководства — вести, а значит, это деятельность, которая всегда определяется как божественная.

Как всегда в случаях истребованного патриотизма в обществе находятся те, которые проявляют себя как «профессиональные» патриоты, а это всякий раз случается при разломе понимания общества народом и элитой, с которой согласны именно патриоты. И вот для правящего класса это довольно удачно подобранная ценность. Ранее быть патриотом означало «быть преданным делу коммунизма», но когда человеку уже нет до этого никакого дела, то это по-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель; АСТ, 2009. Т. 3. С. 217.

нятие в характеристике человека, не нарушая формы, представляется неким измененным содержанием. То есть здесь уже не преданность, а попросту любовь к Родине, более раннее понимание, при этом понятие «Родина» характеризуется как нечто находящееся за пределами реальных отношений общества, а при необходимости содержание этого понятия всегда можно дополнить. Следует приступить к понятию «патриотизм» и несколько с иной стороны. И здесь должно быть понятно, что вполне добросовестные ожидания от использования процесса формирования патриотов могут привести к непредсказуемым последствиям, в особенности если им пользуется малопонимающая свой народ элита. Странность заключается еще и в том, что когда человек в своей стране не находит поддержки и вынужден за все платить, даже за те завоевания, которые ему обеспечивала его страна, то о какой любви и «патриотизме» следует здесь рассуждать? То есть человек в виде налогов оплачивает все виды общечеловеческих, принадлежащих всем направлениям социальных сфер, но почему-то вынужден оплачивать их еще раз при необходимости ему их получения.

Что же в таком случае должно определять и поддерживать эту странную деятельность под наименованием «патриотизм»? Ведь совершенно понятно, что если историческая парадигма не предлагает нам ничего, кроме вымысла, часто довольно бессмысленного и безграмотного, то о каких отношениях в современном обществе, построенных на мифах и легендах, следует говорить и, более того, в них верить и отдавать силы и иногда свою жизнь, не характеризуя себя патриотом? Мы не рассматриваем имевшиеся странности предыдущего исторического этапа развития общества в России, но и новое, имеющее значительное число изъянов по отношению к человеку, вряд ли может требовать от него быть патриотом. Конечно, и здесь есть вариант обеспечения патриотизма силовым методом, учреждая законы наказаний за пренебрежение обязанности исполнять патриотический долг, игнорируя то, что должно исполнять в отношении человека государство. Отсюда должно быть понятно, что патриотизм — это то, что не всегда является ценностью, выработанной самим народом, а попросту приспособленное иностранное понятие в русском языке для русского народа, подсказывающее ему поведение в обществе, а значит, и в государстве.

У В.И. Даля патриот — это «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб». Но тем не менее патриотизм хотя и связан «любовью к отчизне», но одновременно «патриотизм связан непременно с невежеством и запросами зверских инстинктов: "раззудись,

славян, в особенности если продолжать следовать немецкой исторической «истине».

История и язык

Воспаленный интеллект немецкой исторической науки, как и идущие вслед за ней сторонники русского понимания истории, однажды встав на колею общепризнанного вымысла, вряд ли способны позаботиться о своих собственных идеях. Правда, иногда выныривают из этого болота мысли, но здесь, на удивление, их ожидает еще один метод, известный как «напустить тумана». Конечно же, когда кому-то удастся высвободиться от этих невероятных монстров немецкого метода познания истории, это еще не означает, что истина готова приветствовать их в своих благодетельных объятиях. Скрывающие ее авгиевы конюшни вряд ли кого-либо затронут своим благоволением, ведь здесь следует мыслить, вернуться к тем методам науки, которые давно уж почивают в бозе.

Но самое странное и неприятное, когда языки славян некоторые этимологи, совершенно не понимая их смысла, пытаются привязать к источнику речи совершенно иных народов. Правда, следует отдать должное таким авторам, их попытки отыскать некоторое родство, общность происхождения и сравнивать славян с древностью тех народов вполне достойны благодарности. Но увы, когда дело касается сложившейся традиции осмысления путей своей истории, исследователями древностей русского народа предлагается поиск своих традиций у народов, которые еще меньше имели прав быть их предтечами и учителями. И здесь уже совершенно странно, когда русские, как и славянские, понятия «царь» и «богатырь» отдают совершенно чужому народу: первое — римлянам, второе — татарам. Или еще пример: немцы, захватив всю Германию у славянских народов, «мужественно» превратили многие славянские понятия в свои языковые привычки. И уже здесь, когда немец Фасмер, наверное, единственный специалист по русскому языку, составивший «Этимологический словарь русского языка», не задумываясь, во множестве славянских терминов видит свои, исконно немецкие слова. И это неудивительно для всей этой невероятной науки. У него «шкаф», или «шкап»: «Из средненижненемецкого “шкаф” которое проникло во многие языки»¹, у него же: «Скорее всего преобразовано из шкап под влиянием новых верхненемецких форм»². Здесь понятно, как и фамилия Штра-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 446.

² Там же. С. 447.

ус следует из наименования «страус», так и шкаф представлен славянским словом «скап» — место, предназначенное для накопления чего-либо, чтобы скопить и сохранить.

И таких предположений множество, правда, все свои придумки эти специалисты языка скрывают под более изощренным вымыслом, объявляя о существовании некоего народа, называемого его арийским, пришедшего в Европу за несколько тысячелетий до нашей эры. Ну а немцы, как и предполагалось, назначили себя единственным их наследником. Какой крови стоило народам доказать на практике их невероятное заблуждение, так ими и непонятое. Правда, развивая теоретически свои придумки, они утверждали, что арии славян с собой не брали, и те приплелись в Европу, по показаниям «арийских» ученых, значительно позже остальных, поэтому и не были в курсе создания понятий для различных народов. Ну а тем, что бог послал, то и получилось — вот такая жесткая и жестокая история языка славянских народов, определяемая немецкой наукой.

Влияние западных наречий на восточнославянские языки проявляются в подмене звука «с» на звук «ш», хотя и это сомнительно. Так, славянский слюб становится шлюбом (в белорусском), сабля — шаблей (белор.), страус — Штраусом, а Светия — Швецией, как и у римлян косуля (плащ с капюшоном) как вид одежды и кашуля (рубашка) у белорусов. Но, может, это не немецкое влияние, а один из диалектов западных славян?

Но в реальной, невымышленной истории тем же грекам, как и латинам, и немцам, совершенно не повезло со славянами. Так, например, слова этого великого народа «из-стари», как и «хор», пришлось присвоить таким образом, чтобы греков не обвиняли в воровстве у славян, а некоторые понятия, наоборот, закамouflировать под настоящий греческий термин — тот же полис, как и агора («ха-гора») от невероятного, но совершенно славянского истока, слова «гора». И здесь та же центральная площадь города с ее понятными функциями. Да и стоит ли здесь повторяться, указывая на множество терминов, которые «увели» славяне у греков, в том числе наименования некоторых планет и имена многих «греческих» богов?¹ Нечто подобное и в латинских «изобретениях», хотя им бог велел что-то взять из одного из древних языков славян, в том числе со времен начал строительства Рима², правда, почему-то все думают, что наоборот, хотя следует ли уподобиться этим ученым «арийцам», которые обвинили

¹ Пьянов В. И. Славяне и культура древних народов. С. 350–402.

² Там же. С. 312–328.